

Совершенно невероятно, далее, чтобы в тот момент, когда шла борьба за удержание захваченной добычи, захватчики стали в оппозицию к Венеции, откуда они только и могли черпать силы и средства для отражения всяких покушений на отнятые у Византии земли. Мы имеем здесь в виду войну с болгарами до 1207 г., которая едва не привела к гибели только что основанную империю, борьбу против итальянских феодалов, сподвижников Бонифация Монферратского, после 1207 г., первые столкновения с империей Ласкарисов около этого времени, опасность со стороны Генуи, исчезнувшую лишь в 1218 г. Став на точку зрения автора, трудно понять, почему в тот момент, когда все эти трудности миновали (в 1219 г.), новый подеста, Якопо Тьеполо, которого автор также заподозривает в сепаратистских тенденциях, вдруг круто изменил свою прежнюю позицию.

Нам думается, что никаких сепаратистских тенденций в новых владениях Венеции не было. Было другое: Венеция еще не имела достаточного опыта по управлению колониями. В своих владениях в Истрии, на островах Кварнеро и Далмации она или полагалась на органы местного самоуправления (в городах Триест, Пула, Ровинь), или инфеодировала свои владения собственным нобилям (на островах Црес, Раб, Паг), или, наконец, объединяла оба этих метода, ставя над городским самоуправлением своих комитов и епископов (Задар). Обстановка на Востоке была такова, что ни один из этих методов не отвечал нуждам момента. Первый константинопольский подеста совмещал в своем лице и дожа республики и, естественно, занимал здесь в 1203—1205 гг. исключительное положение. После смерти Энрико Дандоло суровая военная обстановка не допускала медлительных сношений с республикой и выборов там нового подеста — он был в лице Марино Дзено избран войском на месте, в Константинополе, и у венецианского правительства не было оснований возражать против этого. Некоторое время он выступал в стиле своего предшественника — отсюда его титул «доминатора четверти и полчетверти империи Романии». В Венеции еще не была создана стройная система управления новыми колониями, которую мы видим позднее; не было определенного порядка назначения колониальных магистратов, твердых сроков их пребывания у власти, не были определены их полномочия, не был выработан стиль их канцелярий. Неурегулированность взаимоотношений новых колоний с метрополией и канцелярскую неразбериху нельзя принимать за проявление политического сепаратизма.

Вопреки ошибочному мнению некоторых историков Венеции, склонных считать венецианские колонии убыточными для метрополии⁴⁸, Ф. Тирье правильно считает их экономически выгодными (стр. 221) При всем этом отдельные его суждения, относящиеся к колониальной политике Венеции, нуждаются в существенных поправках или дополнениях.

Выясняя причины упорной борьбы населения Крита против венецианского владычества, автор придает исключительное значение политическим причинам этой борьбы: до 1204 г., рассуждает он, местная знать, стратегиоты и парики подчинялись императорскому правительству, «были *δούλοι* императора», теперь они оказались под властью венецианцев. «Именно здесь, — пишет он, — надо искать причину живого и глубокого сопротивления, оказанного греками победителям; нельзя указать никакой другой, действительно серьезной причины» (стр. 117). В связи с этим он придает большое значение интригам константинопольских императоров, особенно Михаила VIII и Андроника II (стр. 152, 153). Однако автор

⁴⁸ L. L u z z a t i. La rigolazione delle entrate e delle spese di Venezia (sec. XIII—XIV), 1936, p. X, XI.